

Я покинул сцену.

Лучше сгореть, чем угаснуть, верно? Так написал Курт Кобейн в одном своем письме.

Я смотрел видео обо всех этих знаменитостях. Эрнест Хемингуэй, Робин Уильямс, Вирджиния Вулф, Хантер С. Томпсон, Сильвия Плат, Дэвид Фостер Уоллес, Ван Гог. Я не сравниваю себя с ними — боже упаси! Эти люди делали большие дела. Я же не сделал ничего. Не смог даже написать небольшую записку.

Горение — правильное слово для того, что с ними происходило. Чувствуешь себя горячим. Все горячее и горячее день ото дня. И это переходит мыслимые пределы. Даже для звезд. На какой-то стадии они выдыхаются или взрываются. Завершают свое существование. Ты думаешь, они все еще здесь. Но некоторых из них уже нет. Они исчезли. Давно. Думаю, и я тоже.

Мое имя. Это последнее, что я написал. На гипсе на руке одноклассника. Значит, я все же оставил небольшой след. На сломанной конечности. И это, наверное, правильно. Поэтично, если подумать. Все, что я могу теперь делать, — так это думать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Дорогой Эван Хансен,

Так начинаются все мои письма. Первым делом *Дорогой*, потому что так положено. Затем идет имя того, кому пишешь. В данном случае это я сам. Я пишу себе. Так что да, *Эван Хансен*.

На самом деле Эван — мое второе имя. Мама хотела назвать меня Эваном. А папа пожелал, чтобы я был Марком — так зовут его самого. Папа, согласно моему свидетельству о рождении, выиграл сражение, но победа в войне осталась за мамой. Она всегда звала меня исключительно Эваном. В результате папе ничего не оставалось, как делать то же самое. (Спойлер: мои родители расстались.)

Имя Марк значится только на моих водительских правах (которыми я не пользуюсь) или на заявлениях о принятии на работу, еще так обращаются ко мне в первый день в школе. Мои новые учителя говорят «Марк», и мне приходится просить каждого из них, не будут ли они так добры — называть меня моим вторым именем.

Само собой, я делаю это, когда все остальные ученики вышли из класса.

Существует миллион десять вещей от совершенно элементарных до раздувшихся до космических масштабов, которые скребут по моим нервам каждый божий день, и одна из них — мои инициалы. Х. М. И именно так большей частью относятся ко мне люди. Это сочетание букв разительно отличается от удивленного *ох* или восхищенных *ах* и *ух*. *Хм* означает полное безразличие. Что он есть, что его нет. Не важно. Всем наплевать. Хансен Марк? *Хм*.

Я предпочитаю думать о себе как об Э. Х. В этом, по крайней мере, звучит какая-то эмоция. Типа, *Эх, уж тот Эван Хансен*.

Мама говорит, я — типичные Рыбы. Знак этого созвездия — две примкнувшие друг к другу рыбки, пытающиеся плыть в разных направлениях. Она увлекается всей этой астрологической чушью. Я установил приложение на ее телефон с гороскопом на каждый день. И теперь она оставляет мне по всему дому написанные от руки записочки, что-то вроде: *Выйди из зоны комфорта*. Или же вставляет в разговор: *Прими новый вызов. Деловое предприятие с другом выглядит многообещающе*. По мне, так это все полная ахинея, но догадываюсь, мамин гороскопы вселяют в нее надежду и служат руководством к действию, что, как полагаю, могут дать мне письма.

Кстати, о них. После приветствия следует, если можно так сказать, мясо письма: плоть. Первая строчка — всегда одна и та же.

Сегодня будет удивительный день, и вот почему.

Позитивное мироощущение приводит к позитивным событиям. Это основная концепция, на которой строится написание этих писем.

Поначалу я пытался уклониться от подобного занятия. И сказал доктору Шерману: «Не думаю, что письма самому себе очень уж мне помогут. Я не знаю даже, о чем писать».

Он оживился, наклонившись ко мне в своем кожаном кресле, хотя обычно сидел, откинувшись на его спинку:

— Тебе и не нужно знать. В этом — весь смысл упражнения. В том, чтобы исследовать свое состояние. К примеру, ты можешь начать так: «Сегодня будет удивительный день, и вот почему». А затем исходить из этого.

Иногда мне кажется, что психотерапия — это полная фигня, а иногда — что моя проблема заключается в том, что я не могу полностью поверить в нее.

Как бы то ни было, я внял его совету по поводу первой строки. (Одна проблема решена.) А дальше было трудно. Первая строка — просто заявление, а теперь надо подкрепить его словами. Я должен доказать, *почему* сегодняшний день станет удивительным, хотя все противоречит этому. Ни один из прошлых дней определенно не был удивительным, так с какой стати сегодняшний будет отличаться от них?

По правде говоря, я не верил в это занятие. Так что пришло время напрячь свое воображение, удостовериться, что каждая творческая клетка моего мозга встрепенулась и готова взяться за дело. (Требуется целая куча клеток, чтобы написать вдохновляющий текст.)

Потому что все, что сегодня ты должен делать, — это оставаться собой. Но также быть уверенным в себе. Это важно. И быть интересным. Коммуникабельным. Дружелюбным. Не прятаться от людей. Открыться им. Не как извращенец. Одежду скидывать не надо. Просто надо быть собой — подлинным собой. Быть собой. Не изменять себе.

Подлинным собой. Что, черт побери, это значит? Звучит как фальшиво-философская фраза из черно-белого рекламного ролика какого-нибудь одеколлона. Ну да ладно, не будем слишком строги. Как сказал бы доктор Шерман, мы занимаемся исследованием.

Исследование: Я должен верить, что «подлинный» я — лучше, чем я о том думаю. Лучше общается с людьми. Не такой застенчивый. Например, готов поспорить, «подлинный» не упустил бы шанс представиться Зо Мерфи на джазовом концерте, состоявшемся в прошлом году. Он не потратил бы уйму времени на выбор слова, характеризующего его чувства по поводу ее выступления, такого, чтобы она не приняла его за сталкера, — *хорошее, великодушное, зрелищное, люминесцентное, околдовывающее, сильное*, — а затем, остановившись на *очень хорошем*, не испугался бы подойти к ней из опасения, что у него потные ладони. Да какая разница, что у него с ладонями? Можно подумать, она захотела бы обменяться с ним рукопожатием. Если уж на то пошло, скорее *ее* ладони были потными после игры на гитаре. Кроме того, мои ладони начинают потеть только после того, как я об этом подумаю, значит, я *сделал* для этого все возможное, и совершенно ясно, что «подлинный» Эван никогда не совершил бы ничего настолько непростительного.

Прекрасно. Я вновь сделал это. Заставил свои ладони вспотеть. Приходится вытирать клавиатуру одеялом. Потом я напечатал *csxldmrr xsmit ssdegv*. И у меня вспотела вся рука. Из-за того, что пот застоится под гипсом без доступа воздуха, повязка скоро начнет пахнуть, а я не хочу, чтобы кто-нибудь в школе почувствовал хотя бы намек на этот запах, особенно в первый день моего последнего школьного года. Черт тебя побери, фальшивый Эван Хансен. Как я от тебя устал.

Глубокий вздох.

Лезу в прикроватную тумбочку. Я ужепил лекарство утром, но доктор Шерман говорит, что к нему можно добавить еще одно лекарство, если дела пойдут неважно. Глотаю его с чувством облегчения.

В этом и заключается проблема с письмами. Начинаю я все правильно, но под конец отклоняюсь от избранного пути и забредаю на смутные задворки моего сознания, где никогда не происходит ничего хорошего.

— Значит, ты вчера решил не ужинать?

Надо мной возвышается мама с двадцатью долларами в руке.

Захлопываю ноутбук и засовываю его под подушку.

— Мне не хотелось есть.

— Нет уж, солнышко. Тебе нужно заказывать ужин, когда я на работе. Сейчас все это можно делать онлайн. Даже разговаривать ни с кем не приходится.

Но, видите ли, это не совсем верно. Ты должен перемолвиться словом с доставщиком. Должен ждать, пока он отсчитает сдачу, а доставщики вечно делают вид, что у них недостаточно однодолларовых купюр, так что приходится решать, дать ему чаевые побольше или поменьше, чем планировал, и ты знаешь, что если остановишься на втором варианте, то они начнут проклинать тебя себе под нос, как только повернутся к тебе спиной, и потому переплачиваешь и остаешься с пустым карманом.

— Прости, — говорю я.

— Не надо просить прощения. Просто это то самое, над чем вы работаете с доктором Шерманом. С людьми надо разговаривать. Вступать в контакт. А не избегать общения.

Разве я только что не написал об этом в своем письме? О том, что нужно быть открытым, ни от кого не прятаться? Все это мне прекрасно известно. Ей нет нужды талдычить

одно и то же. Это как с потными руками: чем яснее ты осознаешь проблему, тем серьезнее она становится.

Теперь мама со скрещенными на груди руками обходит мою кровать, обозревая комнату, словно она чем-то отличается от той, что она видела вчера, словно на моем шкафу или на стене появилось решение проблемы Эвана и она обязательно найдет его, если тщательно все изучит. Поверьте мне, я столько времени провожу в своей комнате, что, если бы ответ был здесь, я бы давно нашел его.

Спускаю ноги с кровати и натягиваю кроссовки.

— Кстати, о докторе Шермане, — говорит она. — Я записала тебя к нему на сегодня.

— На сегодня? Почему? Я встречаюсь с ним на следующей неделе.

— Знаю. — Она смотрит на двадцатку у себя в руке. — Но я подумала, что, может, тебе лучше сходить к нему пораньше.

И это только потому, что я вчера не поужинал? Нужно было просто прикарманить деньги, и она ничего не узнала бы. Но это воровство, а карма — такая стерва.

Возможно, дело не только в непотраченной двадцатке. Возможно, я испускаю какие-то вызывающие беспокойство флюиды, которые сам не ощущаю. Встаю и смотрюсь в зеркало. Пытаюсь увидеть то, что видит она. Похоже, все в порядке. Пуговицы застегнуты правильно. Волосы лежат аккуратно. Вчера вечером я даже принял душ. В последнее время я делаю это нечасто, потому что такой геморрой — оборачивать гипс сначала пластиковой пленкой, затем магазинным пакетом и клеивать все это скотчем. Но я тем не менее — не грязный. С тех пор как сломал руку, я уединился у себя в комнате и не выхожу из нее целыми днями. А всем из школы плевать, как я выгляжу.

Смотрю на свое отражение в зеркале и только сейчас кое-что замечаю. Я обкусываю ногти. Я занимался этим все это время. О'кей, правда заключается в том, что я испытывал страх перед этим днем много недель. После безопасной летней изоляции возвращение в школу — психологическая перегрузка. Приходится смотреть, как воссоединяются друзья — набрасываются друг на друга с братскими объятиями и визгливыми выкриками. Компании тусуются по углам, словно заранее договорились, где встретятся. Ржут, сгибаясь пополам, над какими-то идиотскими шутками. Но я вполне могу пробираться сквозь толпу, потому что научился этому. А беспокоят меня те вещи, которые я не могу предсказать. Я с трудом справлялся с происходившим в прошлом году, а теперь будет столько всего нового, к чему придется привыкать. Новая одежда, гаджеты, автомобили. Новые прически. Новые пирсинги и тату. Новые парочки. Сменившиеся сексуальные ориентации и гендерные идентификации. Новые уроки, ученики, преподаватели. Столько всего нового. Все ведут себя так, будто ничего не изменилось, но для меня каждый новый учебный год — это начало с нуля.

В зеркале я вижу и свою маму, у нее из кармана свисает кисточка на персональной связке ключей. За долгие годы я подарил ей много всяких дешевых безделушек — кружек, ручек, футляров для телефонов, украсив их надписью «мама» или «Хайди». Обходя мою комнату, одетая в костюм медсестры, она выглядит скорее как криминалист, а не медработник. Заработавшийся криминалист. Она всегда была «молодой мамой», поскольку родила меня сразу после окончания колледжа, но я не уверен, что ее можно теперь так называть. В последнее время у нее в глазах сквозит постоянная усталость, и это не потому, что она плохо выспалась, просто наконец начала выглядеть на свой возраст.

— Что произошло с твоими булавками? — спрашивает она.

Поворачиваюсь и смотрю на висящую на стене карту. Когда я этим летом начал работать в государственном парке Эллисон, мне пришла в голову идея обозначить все лучшие маршруты страны: Пресипис-Трейл в штате Мэн, Анджелс-Ландинг в Юте, Калалау-Трейл на Гавайях, Хардинг-Исфилд на Аляске. И я утыкал карту разноцветными булавками. Но в конце лета убрал их — кроме одной.

— Я решил, что буду поочередно фокусироваться на одном только месте, — ответил я. — И первым делом остановился на Уэст-Марун-Трейл.

— Это в Колорадо.

Она видит это на карте, но ей нужно подтверждение. И я подтверждаю:

— Да.

Она нарочито вздыхает. Ее плечи почти касаются ушей, а затем опускаются ниже, чем обычно. В Колорадо живет мой папа. Слово *papa* в нашем доме следует произносить с осторожностью, и так же следует поступать с любым словом, имеющим к нему отношение, скажем, *Марк* или, в данном случае, *Колорадо*.

Мама отворачивается от карты и обращает на меня якобы мужественное и беззаботное лицо, но на самом деле оно таким не является. Она ранена, но выстояла. Теперь нас таких двое.

— Я заберу тебя сразу после уроков, — говорит она. — Ты пишешь письма, как велел доктор Шерман? Они должны вселять в тебя уверенность в себе. Тебе действительно нужно это, Эван.

Я писал такие письма каждый день, но летом стал сачковать. Я совершенно уверен, что доктор Шерман дал знать об этом моей маме, и потому она в последнее время понукает меня к работе над ними.

— Как раз пишу, — говорю я, радуясь, что не приходится врать.

— Хорошо. Доктор Шерман наверняка захочет увидеть его.

— Знаю. Я закончу его в школе.

— Эти письма очень важны, солнышко. Уверенность в себе особенно значима в первый учебный день.

А, понятно. Вот и еще одна причина, по которой мама считает, что сегодня нужен визит к доктору Шерману.

— Мне не хочется, чтобы ты опять целый год сидел за компьютером по пятницам вечером в полном одиночестве. Ты должен найти способ выбираться отсюда.

Я пытаюсь делать это. Действительно пытаюсь.

Она замечает что-то на моем столе:

— Эй, я придумала. — Она берет из чашки маркер. — Почему бы тебе не попросить ребят расписаться на твоём гипсе? Идеальный повод завязать беседу, согласен?

Не может быть ничего хуже. Все равно что попрошайничать. Возможно, следует найти отоцалого щенка, чтобы он сидел со мной рядом, вызывая жалость.

Поздно отмазываться. Она смотрит мне прямо в лицо.

— Эван.

— Мама, я не могу.

Она показывает на маркер:

— Лови момент. Сегодня — благоприятный день для хороших результатов.

Опять фраза из гороскопа.

— Масло масляное. Хороший и благоприятный — это одно и то же.

— Тебе виднее. Ты у нас — мастер слова. Я просто говорю, что не нужно теряться.

Избегая ее взгляда, вздыхаю и беру маркер.

— Угу.